

Historia
Russica

Большевик, подпольщик, боевик

Воспоминания
И.П. Павлова

Е. Бурденков
Большевик, подпольщик,
боевик. Воспоминания
И. П. Павлова
Серия «Historia Russica»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12156639

*Большевик, подпольщик, боевик: воспоминания И.П. Павлова / сост.,
авт. коммент. Е. Бурденков; лит. обработка и предисл.: Д.Б. Павлов:
Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив;
Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-8055-0273-7*

Аннотация

Иван Петрович Павлов (1889–1959) принадлежал к почти забытой ныне когорте старых большевиков. Его воспоминания охватывают период с конца XIX в. до начала 1950-х годов. Это – исповедь непримиримого борца с самодержавием, «рядового ленинской гвардии», подпольщика, тюремного сидельца и политического ссыльного. В то же время читатель из первых уст узнает о настроениях в действующей армии и в Петрограде в 1917 г., как и в какой обстановке в российской провинции в 1918 г. создавались и действовали красная гвардия, органы ЧК,

а затем и подразделения РККА, что в 1920-е годы представлял собой местный советский аппарат, как он понимал и проводил правительственный курс применительно к Русской православной церкви, к «нэпманам», позже – к крестьянам-середнякам и сельским «богатеям»-кулакам, об атмосфере в правящей партии в годы «большого террора», о повседневной жизни российской и советской глубинки. Книга, выход которой в свет приурочен к 110-й годовщине первой русской революции, предназначена для специалистов-историков, а также всех, кто интересуется историей России XX в.

Содержание

Предисловие	6
Вступление	12
Часть первая	17
Деревенское детство. Уфимские впечатления	17
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Большевик, подпольщик, боевик: воспоминания И.П. Павлова

® Бурденков Е., сост., коммент, 2015

© Павлов Д.Б., лит. обработка, предисл., 2015

© Институт российской истории РАН, 2015

® Центр гуманитарных инициатив, 2015

* * *

Предисловие

Иван Петрович Павлов (1889–1959), рабочий из крестьян Уфимской губернии, принадлежал к почти забытой сегодня когорте старых большевиков. Вступив подростком в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП) в 1906 г., в разгар первой русской революции, и сразу прикнув к ее леворадикальному крылу, пройдя затем аресты, тюрьмы и ссылки, он оставался верен идеалам большевизма до конца своих дней. Неслыханные жестокости «крайне свирепой» (по В.И. Ленину¹) Гражданской войны и даже последующие кровавые преступления сталинизма против собственных партии и народа не смогли его в этой преданности поколебать. «Так было надо», – успокаивал он себя. XX-й век в истории России для него – славная, беспримерно героическая эпоха, главным содержанием которой явилась борьба партии Ленина за коммунизм. В его конечной победе автор воспоминаний ни секунды не сомневался. Но, как мы знаем, в действительности большевистский коммунистический эксперимент провалился.

Для современного читателя мемуары И.П. Павлова могут быть интересны, в первую очередь, тем, что в них из первых уст рассказано о боевой работе РСДРП (б) в начале

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 27.

XX в. на «низовом», провинциальном уровне – о ходе, целях и результатах этой деятельности, о психологии большевистского боевика и его соратников – подвижников, сознательно и добровольно обрекших себя на жизнь, полную опасностей, невзгод и лишений, ради, как им мечталось, счастливого будущего трудящихся России и всего мира. С этой точки зрения предлагаемые читателю воспоминания – это исповедь революционного романтика, непримиримого борца с самодержавием, «рядового ленинской гвардии», подпольщика, тюремного сидельца и политического ссыльного. В глазах самого мемуариста «подпольщик», «боевик» – слова-символы, олицетворяющие подлинных «делателей» революции, ее самых бескорыстных и самоотверженных защитников, словом – лучшую часть большевистской партии, ее стеновой хребет. Павлов стремится показать, как свою верность «делу Ленина – Сталина» он сам и его друзья и соратники, большевистские боевики, доказали не только в качестве разрушителей старого строя, но и на ниве созидания – на советской и хозяйственной работе в годы социалистического строительства. «Отречение от старого мира» и построение нового общества так и таким, каким они его понимали, явилось главным содержанием их жизни, самой сутью их существования.

Свой «жизненный отчет» Иван Петрович начал писать в 1920-е годы по заданию партийной комиссии, призванной собирать материалы по истории ВКП (б) и октябрьской революции, – Истпарта. Это также придает его мемуарам при-

вкус советской официозности. Выйти за рамки изначально очерченного революционного периода автора воспоминаний позднее заставили настояния, по сути, того же партийного учреждения – просьбы директора его правопреемника, областного Института истории КПСС, «описать работу на хозяйственном фронте солдата партии, бывшего подпольщика». Оказались востребованы и отдельные страницы революционного прошлого мемуариста, воспоминания о которых были им также включены в свой окончательный текст. Отсюда – сюжетно-очерковый характер некоторых глав его мемуаров с их неизбежным взаимным хронологическим «перехлестом».

В окончательном виде публикуемые воспоминания охватывают время с конца XIX в. до начала 1950-х годов. В них отражены события, эпохальные для нашей страны, современником, а нередко очевидцем и непосредственным участником которых их автору суждено было стать. Это – русские революции 1905 и 1917 гг., Первая мировая и Гражданская войны, гибель царской семьи и первые годы советского строительства, послевоенное хозяйственное восстановление и коллективизация деревни, Великая Отечественная война и смерть И.В. Сталина. Читатель опять-таки из первых уст узнает о настроениях на фронте и в Петрограде в 1917 г.; как и в какой обстановке в начале 1918 г. в российской провинции создавались и действовали красная гвардия, органы ЧК, а затем и подразделения РККА; что в 1920-е годы пред-

ставлял собой местный советский аппарат, как он понимал и проводил правительственный курс применительно к Русской православной церкви, к «нэпманам», а немного позднее – в отношении крестьян-середняков и сельских «богатеев»-кулаков; об атмосфере внутри самой правящей партии в период «большого террора» 1930-х годов; о других, менее хрестоматийных страницах партийно-государственной повседневности первых советских десятилетий. В то же время воспоминания Павлова – «человеческий документ» со множеством колоритных бытовых зарисовок из жизни русской до-революционной и советской глубинки и портретов людей, которые окружали мемуариста в разные годы и в разных обстоятельствах.

Но и в этом последнем случае мемуары Павлова весьма поучительны для понимания большевистского менталитета – не просто классово-непримиримого, но узкопартийного, черно-белого в своей основе, проникнутого пресловутой «политической целесообразностью» момента. Оценка человека, даже если речь идет о собрате по социалистическому лагерю, определяется не его личностными качествами и даже не социальным происхождением, а почти исключительно партийной принадлежностью. В этом отношении характерна ремарка мемуариста в отношении одного ссыльного рабочего: «хороший был парень, жаль, что эсер». В большевистском восприятии, и эсеры, и меньшевики, и бундовцы, да, пожалуй, и собственные «уклонисты», по сути, та-

кие же, а порой и худшие контрреволюционеры, нежели помещики или буржуазия – нелюди (или «сволочь» – излюбленное большевистское слово), заслуживающие поголовного истребления в силу своей принадлежности к низвергнутому классу. Ненависть к нему такова, что для Павлова дворянское происхождение своей горячо любимой жены – абсолютное табу. О гибели ее братьев в сталинских застенках (как, впрочем, и многих из своих знакомых и соратников) он, никогда «не терпевший фальши и вранья», даже не находит нужным упоминать. Зато неоднократно подчеркивает партийно-комсомольскую принадлежность своих чад и домочадцев, постоянную сверхактивность на поприще партийно-политической пропаганды себя самого.

Его ощущение нераздельности с «гвардией Ленина» таково, что бюрократические неурядицы с установлением своего «партстажа» Иван Петрович переживает как личную трагедию. Для него вне сомнений непреходящие правота и мудрость верховных партийных вождей – в отличие от функционеров более низкого звена, которые в 1930 г. чуть было не исключили из партии и не уpekли за решетку его самого за «оппортунизм» в колхозном вопросе. Лишь в 1956 г. он одумается и в частном письме с горечью признает, что преступления Сталина и его клики – «позорная страница» всей партии, которую «мы не имеем права прощать».

Законченные 60 лет назад, воспоминания И.П. Павлова никогда прежде не публиковались – отчасти потому, что к

этому не стремился сам их автор. Самоучка с церковно-приходским образованием, который мечтал, но так и не смог продолжить учебу и получить вузовский диплом, себя он называл «простым деревенским парнем», который «свое место знал и в интеллигенцию не лез». Относительно своих литературных способностей Иван Петрович был настолько самокритичен, что незадолго до смерти, в 1957 г., в письме директору Дома-музея Я.М. Свердлова (ныне Музей истории Екатеринбурга), в фондах которого его «автобиографический очерк» находится и поныне, настаивал на том, чтобы его подлинник сжечь, «ибо рукопись совершенно неудобоварима, и незачем хранить макулатуру». К счастью, сотрудники музея уберегли аутентичный машинописный экземпляр его мемуаров, текст которых и лег в основу настоящей книги. Ее издание приурочено к 110-й годовщине первой русской революции и предстоящему вскоре 100-летию отечественных потрясений 1917 года.

*...И сколько нет теперь в живых, тогда веселых,
молодых!*

Моим любимым друзьям, уфимским большевикам,
боевикам

посвящаю свой автобиографический очерк

Автор

Вступление

XX век для нашей страны является героической эпохой. Подобной героики не знало ни одно государство в истории человечества. Мы пережили четыре кровопролитнейших войны! Прошли три революции. Люди нашей страны заслуживают, чтобы последующие поколения знали их героический путь. Огромна заслуга нашей коммунистической партии, которая все это время стояла во главе борьбы за счастье всего человечества. Трудно теперь представить, сколько в этой титанической борьбе было проявлено героизма, отваги! Люди подполья шли на каторгу, в ссылку, на эшафот. Шли на гражданскую войну, на смерть, на муки, во время Великой Отечественной войны шли на невероятные лишения и на незабываемый подвиг!

Мой друг и соратник по подполью, по боевой партийной работе в Уфе в 1905–1907 годах И.М. Мызгин², задумав пи-

---

² Мызгин Иван Михайлович (революционные псевдонимы «Волков», «Петруська») (1885–1971) – после окончания церковно-приходской школы работал кочегаром, грузчиком на Симском заводе. В 1904 г. включился в революционное движение. Осенью 1905 г. перешел на нелегальное положение, вступил в РСДРП (б). В 1906 г., возглавив боевую дружину, добывал оружие, боеприпасы, динамит; работал в мастерских по изготовлению взрывчатых материалов и бомб, организовывал побеги революционеров из тюрем и ссылок, вел революционную пропаганду. Зимой 1906/07 г. учился в нелегальных школах бомбистов в С.-Петербурге и Львове, перевозил в Россию оружие, закупленное в Бельгии. Подвергался арестам и обыскам, отбывал заключение в тюрьмах Уфы, Златоуста, Крас-

сать воспоминания, говорил мне: «Это для наших потомков. Когда-нибудь мы будем им нужны». Я тоже так думаю. Сегодня, в эпоху строительства коммунизма, не только ученые и писатели, но и простые люди вспоминают и будут вспоминать о нас, деятелях подполья, чтобы была короче дорога к тем идеалам, за которые мы боролись в продолжении полувека. Кем были эти старые большевики, подпольщики, ленинская «гвардия», положившая начало нашей партии? – спросят они себя. Кто эти отважные люди, как их назвал И.В. Сталин, которые самоотверженно и до конца отдавали свою жизнь партии, которых не останавливала ни свирепая царская реакция, ни лишения? Молодыми людьми они добровольно вступали в боевые дружины, ежедневно подвергали свою жизнь опасности, отрешившись от всего личного, шли

ноярска, Иркутска, неоднократно совершал побеги. В феврале 1914 г. вернулся на Южный Урал, где организовал типографию. Летом 1914 г. работал в Сибири в депо станции Зима, затем – в большевистском подполье на шахтах г. Черемхово, где в 1917 г. вошел в состав уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; назначен заместителем уездного комиссара по довольствию. Вел подпольную пропагандистскую работу в тылу армии А.В. Колчака, дважды был приговорен к расстрелу колчаковской контрразведкой. Один из организаторов и участников вооруженного восстания черемховских рабочих. С 1920 г. председатель уездного (Заларинского) райпогребсоюза в Иркутской губернии, член бюро райкома РКП (б). В декабре 1941 г. иркутским крайкомом ВКП (б) направлен на Волховский фронт. В 1944 г. в связи с ухудшением здоровья переехал в Краснодарский край, в станице Динской работал директором пункта «Заготзерно». Автор воспоминаний о деятельности большевистских боевых дружин на Южном Урале: «Со взведенным курком» (М., 1964) и «Ни бог, ни царь и не герой» (Челябинск, 1979).

на смерть за интересы своего класса, общества в целом. Эти люди подполья твердо понимали, что до социализма им не дожить, что их удел – погибнуть в ссылке, на каторге, в тюрьме, а боевиков, как правило, ждал эшафот. И, действительно, многие из них не дожили до Октябрьской Революции. Из моих друзей и соратников это – Якутов³, Гузаков Михаил⁴, Гузаков Павел⁵, Тимофей Шаширин, Василий Мясни-

---

³ Якутов Иван Степанович (1868–1907) – рабочий, активный участник революционного движения. С 1881 г. работал на заводах Уфы, Южного Урала, на железнодорожном транспорте. С 1890 г. в царской армии. В 1893–1902 гг. работал слесарем железнодорожных мастерских в Уфе, руководил марксистским кружком, был членом уфимской с.-д. группы, с 1901 г. член уфимского комитета РСДРП. В 1902–1903 гг. член омского, иркутского комитетов РСДРП, большевик. В 1905 г. был арестован в Иркутске, выслан в Уфу, в октябре 1905 г. освобожден по амнистии. В ноябре – декабре 1905 г. председатель «Уфимской республики». В 1906 г., скрываясь от полиции, переехал в Харьков, где стал секретарем местной партийной организации. 6 августа 1906 г. по доносу был вновь арестован, в октябре 1907 г. отправлен в Уфу, в тюрьме которой казнен.

⁴ Гузаков Михаил Васильевич (1885–1908) – из семьи помощника лесничего Симского горного округа, революционер. По окончании ремесленной школы работал на Симском заводе. Участвовал в деятельности подпольных кружков, в 1903 г. один из организаторов забастовки рабочих Симского завода, в 1904 г. возглавил подпольную большевистскую группу, в 1905 г. создал заводскую боевую дружину. Как участник вооруженного восстания в Симе (сентябрь 1906 г.), в декабре 1907 г. был арестован в Уфе, повешен по приговору военного суда.

⁵ Гузаков Павел Васильевич (1888 – около 1916) – младший брат М.В. Гузакова. По окончании церковно-приходской школы и горного училища (1905) работал на Аша-Балашевском заводе Уфимской губернии, член заводского комитета РСДРП. Арестован, как один из организаторов вооруженного восстания в Симе (сентябрь 1906 г.), осужден на 8 лет. Наказание отбывал сначала в уфимской тюрьме, затем – в тобольской (вместе с братом Петром) и нерчинской ка-

ков⁶, Александр Калинин⁷, Валентин Лаптев⁸. В начале 1918 года погибли братья Кадомцевы, Иван⁹ и Михаил¹⁰.

торжных тюрьмах. Работал на строительстве Амурской железной дороги, бежал в Китай, откуда позднее перебрался в Париж. Работал на заводах, поддерживал связи с французскими социалистами. С началом Первой мировой войны ушел добровольцем на германский фронт, где в 1916 г. пропал без вести.

⁶ Мясников Василий Никанорович (р. 1888) – рабочий из мещан Казанской губернии, член боевой рабочей дружины уфимской организации РСДРП (б). Арестован, погиб в заключении.

⁷ Калинин Александр Михайлович (революционный псевдоним «Шурка») (1888–1912) – из уфимских мещан, сын портного. С 1906 г. один из руководителей боевой рабочей дружины уфимской организации РСДРП (б). Арестован в Уфе в декабре 1909 г. по делу об экспроприации на станции Миасс 1 октября 1908 г. Повешен в 1912 г. за убийство тюремного надзирателя при попытке совершить побег из челябинской тюрьмы летом 1910 г.

⁸ Лаптев Александр Иванович (революционный псевдоним «Валентин») (р. 1891) – рабочий Симского завода из крестьян Уфимской губернии, член боевой дружины уфимской организации РСДРП (б). Совершив побег из уфимской тюрьмы, участвовал в миасской экспроприации 1909 г.

⁹ Кадомцев Иван Самуилович (1884–1918) – из семьи чиновника. По окончании гимназии в 1900 г. включился в революционную борьбу. С 1902 г. член РСДРП, большевик, с 1905 г. член уфимского комитета РСДРП (б); с 1906 г., по решению екатеринбургской областной конференции РСДРП (б), руководитель рабочих боевых дружин на Южном и Среднем Урале. Делегат 1-й Всероссийской конференции военно-боевых организаций большевиков (Таммерфорс, декабрь 1905 г.), на которой выступил с докладом. Организовал доставку и лично участвовал в транспортировке оружия из-за границы в Россию. С 1908 г. – в эмиграции (в Швейцарии и Франции). Осенью 1917 г. участник штурма Кремля, член московского Совета, занимался формированием красновардейских отрядов. В конце 1917 г. вернулся в Уфу, вошел в состав губернского боевого штаба, принимал участие в национализации предприятий. Скончался от воспаления легких.

¹⁰ Кадомцев Михаил Самуилович (1886–1918) – младший брат И.С. Кадомцева. За участие в революционном движении исключен из Симбирского кадетско-

Сталин говорил, что коммунисты – это люди особого склада, особенно, добавлю я, – коммунисты-боевики. Будущие историки и писатели, несомненно, заинтересуются ими, займутся глубоким и всесторонним изучением их жизни – не по газетным статьям и романам, а по документам, в том числе – по воспоминаниям их самих.

Для того мой автобиографический очерк и написан.

И. Павлов г. Свердловск, 1953–1954 годы

го корпуса. С 1905 г. член РСДРП (б), организатор партийных боевых дружин. В первый раз был арестован в 1906 г., приговорен к 3 годам заключения. Затем в эмиграции, по возвращении из которой был вновь арестован и приговорен к смертной казни, замененной на вечную каторгу. Отбывал срок в тобольской каторжной тюрьме, освобожден Февральской революцией. Активный участник октябрьского переворота. Весной 1918 г. командовал отрядом, направленным на борьбу с войсками А.И. Дутова, затем командующий всеми отрядами, действовавшими против этого атамана на Западном участке. Погиб в бою с чехословаками.

Часть первая

Деревенское детство. Уфимские впечатления

Свой автобиографический очерк начну со своего раннего детства. Хочу описать в нем среду, в которой родился и вырос, дать характеристику своим родителям и ближайшим предкам, благо у крестьян отдаленных пращуров не водилось. Их генеалогия была проста: «раб, сын раба», родословная которых, как правило, пресекалась с их кончиной. Может быть, и это пригодится кому-нибудь.

Итак, родился я 31 декабря 1889 года в семье крестьянина-середняка Петра Евграфовича Павлова и Анны Семеновны Павловой, по девичьей фамилии Мамаевой, проживавших в селе Языкове б[ывшей] Уфимской губернии, ныне Башкирской АССР¹¹.

---

¹¹ Языково – село, в настоящее время районный центр Республики Башкортостан. Расположено на р. Кармасан, в 70 км к западу от Уфы. Основано крестьянами помещика П.А. Бабкина на землях, купленных в 1792 г. у башкир Каршинской волости Уфимского уезда, под названием Новоселки-Кармасан. В 1795 г. насчитывало девять дворов с населением в 36 человек. В начале XIX в. село перешло помещикам Языковым, в конце XIX в. – графам Толстым. Современное название село носит с 1843 г. В середине XIX в. оно насчитывало 76 дворов с населением 566 человек; имелись церковь, училище, обдирка, четыре мельницы;

Прежде всего, хотелось бы сказать немного о своих ближайших предках. Мои отдаленные предки – крепостные крестьяне, имена которых никто не знал, да и знать не хотел. В нашей семье очень редко и мало говорили о моих бабушке и бабушке по линии отца, поэтому в детстве я о них почти ничего не знал. Когда стал взрослым и вернулся из первой ссылки, расспрашивал мать о бабушке с бабушкой по отцу. Из ее рассказов я узнал следующее. Дедушка Евграф и бабушка были крепостные крестьяне-бедняки. Бабушку звали Марией. У них было два сына и две дочери. По словам матери, бабушка Марья была первой красавицей на все большое село. Высокая, стройная, с большими серыми глазами, волнистыми темно-русыми волосами, с прямым носом, красивым ртом, была хорошо грамотна. Она, говорила мать, мало походила на крестьянку. Жили они с бабушкой душа в душу, он ее не бил, не обижал. По крайней мере, она никогда на него не жаловалась. После рождения четвертого ребенка, девочки, бабушка начала прихварывать и, не успев вырастить детей, умерла. Дедушка Евграф после ее смерти стал пить и, спившись, ушел на Волгу бурлачить. Где-то на Волге он и умер.

Оставшись сиротами, их дети – мой отец Петр, дядя Андрей, тетка Марфа и тетка Анисья, пока были маленькими,

---

действовало волостное правление. В 1906 г. в селе зафиксированы церковь, земская школа, фельдшерский пункт, кредитное товарищество, почтовое отделение, винная, пивная и три бакалейные лавки, пять мельниц; проводились ярмарки. В начале XX в. в его состав вошел хутор Языковский.

ходили собирать милостыньку, чем и кормились, а когда подросли, ушли работать по найму. Отец и дядя – в батраки, а обе тетки – в Уфу в домработницы, или в прислугу, как тогда их называли. Когда я стал взрослым, меня заинтересовало то, что родня ходила по миру, но все были грамотными. В частности, отец мой был потом сельским писарем и довольно грамотно писал. Дядя Андрей и тетка Марфа тоже были грамотны неплохо. Откуда грамотность у нищих, батраков? На мой недоуменный вопрос об этом моя мать отвечала неохотно, что грамоте их учила сама бабушка Марья, а потом ей помогал дьячок. [На вопрос,] где она сама выучилась грамоте и кто платил дьячку за преподавание, мать моя поджимала губы и молчала или, бывало, скажет: «так научилась». При этом добавляла: «Марья своих ребят никогда не била, содержала чисто». Такая таинственность даже у меня взрослого разжигала любопытство, но мать ничего не говорила, отец умер еще в 1901 году, дядя и обе тетки тоже умерли рано, и мне узнать эту тайну так и не пришлось. А сказать мне правду мать почему-то не хотела, и так эта тайна ушла вместе с ней неразгаданной. Иногда мать со вздохом говорила про бабушку Марью: «несчастливая она».

Бабушку по линии матери звали Варварой. Она жила с нами и умерла в Уфе в 1913 году 82-х лет. Замечательная была старуха! Неграмотная, но какая она была умница, просто на удивленье! Вечно кого-нибудь опекала, кому-то помогала, лечила и все это делала совершенно бескорыстно. Нас,

внуков всех троих, очень любила, никогда не била и не давала бить матери, которая бивала нас часто, особенно меня, как самого озорного.

Мой отец жил в батраках у моего прадеда Мамаева, отца Варвары, рано овдовевшего. Они полюбили друг друга с моей матерью и решили пожениться. Прадед, узнав об этом, прогнал из дома и свою дочь Варвару, и мою мать с женихом, моим отцом. По рассказам бабушки Варвары и моей матери, этот мой прадед был характера крутого, вспыльчивого, неукротимого. Вспоминали такой случай: вышел он как-то во двор с топором в руках. У дверей стоит овца. Посмотрела она на хозяина и, глядя прямо ему в глаза, заблеяла скрипучим, противным голосом: «бе-е-е». Прадед был взбешен этим «бе-е» и со всего размаху бросил в овцу топором. Пробил ей голову, и овцу пришлось тут же прирезать. Он быстро отходил в таких случаях и жалел о своем поступке и тут отошел, но было поздно, овца убита. Когда соседи спрашивали, почему не вовремя зарезали овцу, домашние хмыкали, а старик хмурился и уходил, не удостоив ответом вопрошателя. Его характер передался и моей матери – она тоже и в скот, и в нас, не исключая отца, под горячую руку иногда запускала чем попало: палкой, так палкой, лопатой, веником и т. д., а потом смущалась этим своим поступком. Эти черты, к сожалению, передалась и мне, и моей дочери. Под горячую руку мы тоже можем натворить бед – разбить посуду, поломать что-то, выругать кого надо и не надо. Правда, эта буря

скоро проходит, но она неприятна.

Выгнал он их без средств, они уехали в село Языково, где все трое работали у барина на поденщине. Со временем построили дом, завели скот, и когда я родился, хозяйство отца можно было считать уже середняцким. Прадед, когда разорился, часто приезжал к нам, подолгу у нас живал и очень любил в окно показывать мне поле, лес, в котором живут страшные волки, водятся лешие, зайцы и хитрые-прехитрые лисички. Зверья, действительно, много водилось тогда в Уфимской губернии, о встречах с волками чуть не ежедневно рассказывали в нашем доме. Крестьянам было не до охоты, а барин выезжал охотиться только осенью. Все остальное время зверье беспрепятственно ПЛОДИЛОСЬ и размножалось. Поэтому оно себя чувствовало совершенно свободно – зайцы опустошали крестьянские гумна, лисы забирались по ночам во дворы и таскали кур, волки резали собак, овец и коров. Зайцы вокруг копен на гумне устраивали настоящие сабантуи, или базары – весь снег был утоптан, как после танцев.

Вся деревня моего отца в свое время была выменяна ее владельцем на борзых собак у симбирского помещика и переселена в Уфимскую губернию. У нас и выговор был другой, чем у коренного населения, – волжский, мягкий, немного протяжный. Мой отец был удивительно энергичный человек: чинил сбруи, сохи, бороны, сам делал телеги, строил, в общем – никогда не сидел без дела. Семью кормить старал-

ся как можно лучше. Порой устраивал так: уходил утром на базар, покупал в долг корову, сразу ее резал и мясо тут же продавал, уплачивал деньги за корову, а весь сбой – кишки, ливер, ноги, голову приносил домой, и этого нам хватало почти на неделю, до следующего базара. Зимой ходил по дворам портняжничать, шить шубы, кафтаны, пиджаки. Летом рыбачил бреднем, острогой, удочками. В общем, мы не голодали, хотя своего хлеба до нового урожая не хватало, покупали.

У матери моей характер был суровый. Если отец нас никогда пальцем не трогал, то мать была почти ежедневно – тем, что было под рукой: веником, палкой, скалкой, тряпкой. Была она умна, тактична и не болтлива. Ее боялись даже отец и бабушка – ее мать. Бывало, начнет она меня бить, а бабушка заступится: «Анка, что ты делаешь, ведь ты его изувечишь, гляди, он посинел весь», а мать крикнет: «Уходи, ты, потатчица, а то и тебе попадет!». Бабушка, охая и вздыхая, уйдет, а отец меня позовет, начнет гладить по голове и утешать. Но когда мать была в настроении, и веселая же она была! Хорошо плясала и пела и на работе вечно затевала что-нибудь веселое. Очень много работала. Наравне с отцом пахала, косила, жала и одновременно управлялась с хозяйством.

Языково, в котором я родился, было торговое село с двумя улицами. В нем – больница, школа, церковь, кабак, волостное правление, большой дом помещика графа Толстого¹²,

---

¹² Толстой Александр Петрович (р. 1863) – граф, российский политический

несколько бакалейных лавок и магазинов, похожий на современный универмаг. Каждый четверг съезжался многолюдный базар и ежегодно в январе – ярмарка, торговавшая целую неделю. В селе было два глубоких пруда и две на них мельницы, обе помещичьи. В прудах водилось много рыбы и дичи. Охоту помещик запрещал, а рыбу ловить разрешал, но только удочкой или блесной. Правда, крестьяне, в том числе и мой отец, имели бредешки, которыми ночью, втихую, в верхах пруда ловили рыбу. Мы, ребята, ловили раков, которыми изобиловали оба пруда. Все лето наши руки были исцарапаны их клешнями.

Облик села Языкова налагал на живущих в нем определенный отпечаток – его обитатели были много развитее крестьян окрестных деревень, где не было ни одного общественного учреждения и событием становился приезд урядника. В нашем селе даже появление исправника было обычным делом, к графу на охоту наведывался уфимский губернатор, часто наезжали гости из Москвы и Петербурга. В Языкове

деятель. В 1882 г. окончил Симбирскую гимназию, в 1887 г. – естественный факультет Казанского университета. Поселился в Уфимской губернии, занимался сельским хозяйством. В течение 9 лет служил по выборам участковым мировым судьей. С 1887 г. уездный земский гласный, затем земский начальник, почетный мировой судья. В 1907 г. избран в III Государственную думу. Входил во фракцию прогрессистов. Член ЦК этой партии. В 1912 г. избран в члены Государственного совета от уфимского земства. Во время Первой мировой войны уполномоченный Главного комитета Всероссийского союза помощи больным и раненым воинам. После Февральской революции 1917 г. участвовал в работе Государственного совещания в Москве.

и кулаков было больше, однако немало и бедноты, которая батрачила – сезонно или постоянно. Но, очевидно, потому, что в селе работу можно было найти проще, чем в глухой деревушке, я не помню среди односельчан голода и нищеты.

Языковцы возили хлеб кулаков и помещика на станцию Чишмы или в Уфу, а также товар купцов, приезжавших на базар. Постоянное общение с городским населением налагало на наших крестьян отпечаток развитости, расширяло их кругозор. Большое влияние на сельскую молодежь оказывала чайная, особенно ее читальный зал, в котором были газеты черносотенные, но, конечно, и журнал «Нива»¹³. Мы, мальчишки, вечно толкались там, слушали разговоры, рассматривали картинки в журналах.

Почему-то наш дом всегда был местом сбора соседей. Я еще маленьким помню примерно такую картину, которая повторялась почти ежедневно: отец сидит и что-нибудь по обыкновению чинит из одежды, упряжи или плетет лапти. Старший брат ему помогает, мать и бабушка прядут пряжу, мы с братишкой лежим на печи и слушаем, что говорят. Вдоль стен на лавке сидят соседские мужики и бабы и ведут непринужденную беседу. О чем только не говорили! Не только о том, кто болен, кто что делает, у кого и как живет

---

¹³ «Нива» – популярный еженедельник, выходивший в петербургском издательстве А.Ф. Маркса в 1869–1918 гг. Позиционировался как журнал для семейного чтения и был ориентирован, главным образом, на буржуазного и мещанского читателя; публиковал литературные произведения, исторические и научно-популярные очерки, репродукции и гравюры, фотографии.

скотина и т. д., но рассказывали разные страшные истории – о домовом, о змее, который летает к солдаткам, тоскующим по своим мужьям; о том, как русалки моют волосы в речке и путают человеческие следы; как черти ночью парятся в бане, гогоча и визжа; как ведьмы и колдуны нагоняют тоску на людей, лишают их удачи в делах и наводят порчу на животных. Бывало, к концу вечера атмосфера накалится настолько, что во двор женщины выходят только группами – в одиночку ходить бояться. И ведь до чего фантазия доходила! Например, «очевидцы» рассказывали, как оборотень их завлекал, как соседская бабка Анисья «кувыркалась на трех ножках» и кошкой убегала сосать соседских коров, как русалка манила крестьянского парня, как на вечерние игры пришла неизвестная девушка, а потом скрылась, как растаяла.

На этих вечерах часто и много говорили о жизни крестьян при крепостном праве. Рассказывала об этом главным образом бабушка Варвара, которая с детства работала на барщине, – о том, как пороли крестьян на конюшне, запарывая до смерти, как издевались над девушками, особенно красивыми: их выдавали замуж только после барина или его сыновей. Многие потом сходили с ума, топились, вешались. Она указывала и могилы этих несчастных женщин за околицей, потому что на кладбище хоронить их было «грех», как умерших «не по божьей воле, а самовольно». В этих рассказах можно было встретить и Салтычих¹⁴, и Ноздревых¹⁵, и иных

---

¹⁴ Салтыкова («Салтычиха») Дарья Николаевна (1730–1801) – помещица, по-

самодуров-помещиков, о которых так много сказано в художественной литературе 40-х и 60-х годов. Можно представить, какое влияние оказывали на наши детские души такие беседы!

В 1914 году, уже пройдя тюрьмы и ссылку, я приехал в родное село. После работы, почти в полночь, я отправился в баню. Пошел один. Хозяин моей квартиры, знавший меня с детства, не хотел пускать меня: как можно?! время близится к полуночи, когда вся нечистая сила действует! Я настоял на своем и пошел. Только начал мыться, слышу в предбаннике кашель, открываю дверь и вижу младшего сына хозяина, Никишку. Велел ему уходить домой, что он и сделал с удовольствием, потому что рядом был пруд, где частенько «видели» русалку. Наутро узнаю о разговоре с соседями о моей «храбрости». Порешили, что я, как бывший каторжник, душа которого все равно давно погибла, не боюсь ни бога, ни черта. Я об этом упомянул потому, что мой хозяин, Филипп Андреевич, был грамотный, развитый человек. Чего же было ждать от людей из глухих деревень, которые меня окружали во времена моего детства?

После падение крепостного права крестьяне нашего села оставались в вечном долгу у помещика, не имея ни своего

лучившая известность как изощренная садистка, убийца более сотни своих крепостных. Решением Сената и императрицы Екатерины II была лишена дворянства и приговорена к пожизненному заключению в монастырской тюрьме, где и умерла.

¹⁵ Помещик Ноздрёв – персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

леса, ни выгонов, ни лугов. Лес брали у помещика, луга, выгоны арендовали у него же, отрабатывая натурой: каждый год удобряли, пахали, сеяли, пололи и убирали барину целое поле. Все это – следствие отрезков и отработок, о которых говорил В.И. Ленин. Наши крестьяне ежегодно прудили оба пруда в уплату за езду по плотине и ловлю рыбы. Своей земли по наделу у них было мало, но и за ту платили 50 лет. Например, на нашу семью из 9 человек земли приходилось всего 4 ½ десятины, по 1 ½ десятины в каждом поле. Из трех полей ежегодно засевали два, третье оставалось под паром. Конечно, этого не хватало, и отец каждый год арендовал несколько десятин у соседей-башкир. То же делали и остальные крестьяне нашего села. Сеяли овес, просо, рожь, полбу, гречиху, горох. Пшеницу никто не сеял – она в наших краях не росла. Бывало, кто-нибудь из кулаков ради забавы на башкирской земле посеет ее с полдесятины. Про такую пшеницу говорили – «пирог растет», а «пирог» эти только по колено и давали с полдесятины много-много пудов десять.

Питались крестьяне плохо. Беднота – хлебом, квасом, картошкой, более обеспеченные, вроде нашей семьи, чай пили раз в неделю, мясо ели трижды в год. Масло, яйца шли на базар, о сливочном масле я узнал только в Уфе – в деревне у нас его не ели. Улучшали свой рацион рыбной ловлей или, как наш отец, резали скот, мясо продавали в уплату за скотину, а сбой – семье. Но и то, когда съедалась картошка,

а хлеб был на исходе, питались квасом с зеленым луком и выловленной рыбой.

В таких условиях я родился и провел раннее детство. Детство крестьянского мальчика! Как много воспоминаний оно будит под старость! Постоянное общение с природой, ловля рыбы, раков, сбор грибов, охота за птицами, сусликами, летом купанье, по вечерам песни у костра, зимой катанье на коньках, на салазках. Все лето босиком и без шапки дни напролет. Солнце палит, обжигает лицо, волосы выгорают, на пятках и икрах трещины от цыпок. Дождь и грязь вымажут – не узнаешь себя. Весной ели какой-то желтый цветок, рыли в низинах дерн, добывая неведомый «красный корень». А придет зима, сколько раз Дед мороз обморозит тебе нос, щеки, руки и ноги, приходишь домой мокрый с головы до пят! Сколько раз за зиму отогревают на печке твое окоченевшее тельце! Некрасов в своем стихотворении «Крестьянские дети» правильно писал: «Положим, крестьянский ребенок свободен, растет, не учась ничему, но вырастет он, если богу угодно, а сгинуть ничто не мешает ему»¹⁶. Вот именно: «а сгинуть ничто не мешает ему».

Я рос, как все крестьянские дети. Хотя не был особенно озорной, в детские годы (до школы) три раза тонул, падал с колокольни; топором мне отрубили два пальца на руке; не раз падал с возов, побывал и под бороной. В 6 лет пастухом

---

¹⁶ В оригинале: «Положим, крестьянский ребенок свободно // Растет, не учась ничему // Но вырастет он, если Богу угодно, // А сгинуть ничто не мешает ему».

встречался с волками, попадал под сани с дровами, один раз во время игры в шар получил нечаянный удар в висок – из носа и рта пошла кровь, но полежал немного, ожил и пошел купаться с ребятами. Каждый такой случай мог кончиться смертью. Но остался жив!

Тонул я так. В первый раз – во время купанья. Нырнул с моста и попал под его старое крыло. Осмотрелся в воде и выплыл на свет. Не посмотри или растеряйся – утонул бы наверняка, ибо вдохнул воздух уже почти наверху, пополам с водой. Едва не задохнулся, но успел выбраться на берег. После этого случая я нырять боюсь и посеёчас глубоко не ныряю. Хотя плаваю по-прежнему хорошо.

Второй случай произошел во время катанья на коньках – не удержался и по льду пруда вмазался в полынью. Спасли товарищи, бросившие мне связанные вместе пояски, а то бы утонул от холодной воды и тяжелой одежды.

Третий случай. Весной ехал верхом на лошади, переезжал овраг, заполненный водой пополам со снегом и льдом. Провалился в яму свалился с лошади, кое-как вылез сам и за повод вытащил лошадь.

Дважды на пруду простужал горло и получал нарывы. Хорошо, что они пошли наружу, а не вовнутрь. Задушили бы.

На Пасху полезли мы на колокольню звонить в колокола. Я оступился и упал в пролет лестницы, летел два этажа, упал на каменную плиту. Какое-то время пролежал без сознания, а потом встал и пошел играть с ребятами. А одному моему

товарищу не повезло – он также упал, но попал на перегородку, сломал шейный позвонок и умер. Вот два случая: один спас, потому что я упал боком и ничего не повредил, а второй окончился гибелью мальчика.

Другой случай. Играли мы как-то за огородами, крошили топором репейник. Я держал, а товарищ рубил. Вместе с репейником отрубил мне два пальца. Лечила бабушка, и они срослись. Осталась только кривизна одного пальца и шрамы на обоих.

Под бороной было страшно. Брат пахал, а я, еще маленький, следом за ним ехал верхом. Моя лошадь испугалась чего-то и понесла. Брат рванул ей наперерез, она скачет, лягается и в конце концов меня сшибла. Я упал под борону, но брат успел меня оттуда выхватить. Отделался ушибом. Что поделаешь – поплакал и с перепугу, и от боли и опять сел на ту же лошадь. Только брат ее уже вожжами к себе привязал. Мне тогда было 4 или 6 лет от роду. Какой я был тогда еще пахарь и наездник? Не я один начинал работать с таких лет, а все крестьянские дети.

У нас, как я сказал, было два пруда. Я помню себя с того момента, когда сижу с отцом на пруду и смотрю, как он ловит удочкой рыбу. Не помню, когда научился плавать – к тому времени я уже плавал. Все время мы проводили на пруду. Раков наловим, сварим и наедемся. Ловили рыбу и постоянно купались.

Один раз мать и все домашние ушли в поле жать рожь

(поле было близко от деревни), а мне поручили следить за грудным братишкой Пашкой, который спал в люльке. Мне было 5 лет. Мать велела прибежать за ней, как только Панька проснется. Спал он долго, мне стало скучно и я «на минутку» пошел с ребятами искупаться. Ушел... и забыл о Паньке и о своих обязанностях няньки. Матери показалось подозрительным, почему я долго не иду за ней, и она вернулась домой. Приходит – меня нет, Панька лежит в люльке грязный, мокрый по горло и уже не плачет, а только открывает рот, весь посинел. Насилу она его успокоила. Меня мать нашла уже под вечер, когда с поля пришли все – нашла на пруду и даже бить на этот раз не стала, обрадовалась, что я жив и здоров. Так и все крестьянские дети росли. Разве мало погибло их на моих глазах! А сколько покалечило болезнями, в лесу, в поле! Я мог бы привести немало случаев гибели крестьянских детей, но это было обычным явлением, а не исключением. Ведь недаром у женщин-крестьянок порой рождалось до 18 детей (я знал таких), а выживало 5–8, остальные погибали.

Вот, например, как я получил два нарыва в горле, почти смертельных. Первый случай. Бегал на коньках по льду на пруду. Вспотел, устал. Недолго думая, пробил лунку и напился ледяной воды. Простудился, появился нарыв в горле, бабушка компрессом и теплыми припарками вызвала его наружу, под подбородком мешком повис гнойник. Отец не вынес моих мучений – человек он был решительный, взял свои

портняжные ножницы, посадил меня на лавку, мать заставил держать голову, а сам взял в руку мой гнойный мешок и состриг верхушку. Как он при этом не разрезал какой-нибудь крупный кровеносный сосуд? Ведь я наверняка бы погиб! Я вскрикнул, мать – тоже, пошла кровь, а нарыв... прорвался, но не там, где отец резанул, а рядом.

Второй случай произошел в селе Давлеканово. Осень, заморозки, но я рыбачил – рыбак из меня сделался страстный. Потом я рыбачил и охотился и в ссылке, и на фронте, даже когда реку или пруд обстреливали немцы. Так вот, сидел, рыбачил, забрасывая за прибрежный лед. Черви у меня были в шапке, внутри обшитой бараньим мехом – в меху они не замерзали. Для удобства шапку я снял, да еще попил студенной воды. В результате – нарыв в горле, но уже с другой стороны. Прорвался и он, и вот на всю жизнь осталось у меня два шрама, «грехи» ранней молодости, вернее – слишком ретивого детства.

Я уже говорил, что работать начал рано. Не помню, когда я научился ездить верхом. Задолго до начала учебы, то есть до 8 лет, я боронил, зимой ездил с отцом за сеном. Вставали, по обыкновению, до свету и еще затемно выезжали в лес или в поле. Часто видели волков, а в феврале они ходят стаями и нападают. Летом пас скот, ездил в ночное, на сенокос. В обед, в жару, все ложились спать, а мы, дети, играли. Разве нас уложишь спать! Я был еще совсем маленьким и не помню, но рассказывали домашние, как я забрался на крышу. Я

еще едва умел ходить. Когда меня увидели у края конька, все замерли. Нельзя было кричать, потому что с перепугу я мог свалиться. Старший брат залез и тихонько меня позвал. Так меня и спасли.

Однажды мать стирала белье у печи, а я, играя, съехал с лежанки в ее корыто вниз головой. Или вот такой случай. Проигравшего мальчика в наказание мы взяли в «клещи» двумя скрещенными палками. Сначала он кричал, потом замолк и посинел. Хорошо, что мать увидела, – подбежала к нам, его освободила, а меня избила.

Как-то мы прыгали с высокого плетня. Надоело сигать прямо, решили прыгать задом наперед. Я спрыгнул неудачно, растянул сухожилие и потом долго не мог присесть и плясать вприсядку. Уже после, систематической гимнастикой мне удалось разработать сухожилие, но ноги в коленях так и остались кривыми.

Летом мы как стайка воробьев летали с места на место. Кто-нибудь из ребят увидит суслика, и вся ватага за ним, загоним зверька в норку, потом водой его «выльем», завяжем на шею бечевку и водим до тех пор, пока не сдохнет. Не дай бог попасться нам какому-нибудь птенчику, вывалившемуся из гнезда, – обязательно затискаем его до смерти: кормим, дуем ему в рот, поим молоком, ну он и не выдержит, бывало, этой «любви», подохнет, а мы его заботливо похороним. Любили мы таскать у соседей подсолнухи и огурцы, причем «охранником» обычно был тот, в огороде которого мы воро-

вали. Так и я караулил. Однажды мать пришла в огород, а я стою за изгородью, она спрашивает:

– Что ты тут, Ваня, делаешь?

– Караулю.

– Кого караулишь?

– А вон ребята у нас воруют огурцы и подсолнухи, а я их караулю.

– Да от кого ты их караулишь?

– А чтобы ты не увидела.

Пока мы с ней так говорили, ребята, увидев мать, разбежались. Ворованное мы обычно не съедали, и это занятие нам быстро надоедало.

Говорят, я был очень ревнив. Грудь сосал долго, бывало, когда старшим надоест мое баловство, они возьмут, да скажут: «Ванька, я пойду к твоей матери титьки сосать». Ох, я и запушу домой с ревом! Успокоюсь только тогда, когда найду мать.

Так до школы я и рос. В школу пошел 8 лет от роду, уже зная буквы и цифры – научился у старших мальчишек из соседней деревни, которые по-родственному жили у нас. Первые два года учился я хорошо, в охотку и был круглый пятерочник. Одновременно пел в ученическом хоре, который организовал учитель, и в церкви на клиросе. Пел первым дискантом. С учеником Петровым мы часто в церкви пели «иже херувимскую». Он был шатен, я блондин, потому его звали херувимчиком, а меня серафимчиком. Пели, говорят, мы

очень хорошо.

В летние каникулы я, как и другие дети, пахал пар, боронил уже «на вожжах», как взрослый. Учился косить, для чего мне купили маленькую женскую косу. По-прежнему много рыбачил. Все свободное время я со старшим братом, страстным рыбаком, проводил на пруду. И, надо сказать, ловили мы рыбы много, особенно щук. С младшим братишкой Павлом стали рыбачить с промысловой целью, а не только для удовольствия, как раньше. Отец с семьей уезжал в поле, а нас отряжали за рыбой. Будили до свету – рыба клюет особенно хорошо на восходе. Приходим на место, бросаем прикорм, забрасываем удочки. Тихо, туман. Светает, становятся видны поплавки, и их уже шевелит рыба. Начинается клев. Ловили мы обычно плотву, окуня и голавля. Первую же плотву насаживали на жерлицы, а их мы брали пять штук, и забрасывали на щуку. За утро налавливали ведро мелочи и 5–7 щук, и этой рыбой семья наша большая питалась 2–3 дня. Ели ее дома, брали и с собой в поле. Кончали мы рыбалку часов в 9, шли домой, сдавали улов бабушке и бежали купаться – уже на весь день.

Осенью, когда к помещику приезжали гости охотиться на лис, волков и зайцев, он нанимал нас загонщиками за 20 копеек в день. Охотники в просеке становились с ружьями, а мы за много километров гнали на них зверя. Трещали, кричали, свистели так, что не только зайцы – волки, обезумев от шума, сломя голову бежали прямо на охотников. После

охотники уезжали обедать, а мы, уставшие, мокрые от пота и снега, с двадцатью копейками в кармане плелись домой.

В ту пору жизни самыми моими любимыми занятиями были рыбалка, ночное и сенокос. Сколько историй разных услышишь в ночном! Но, бывало, поблизости начнут выть волки, и тут уж не до историй, всю ночь с собаками стережем своих лошадей. Неприятен был и дождь, укрыться от которого в поле было негде. На сенокосе разнотравье, свежее сено, масса дикой клубники. Моя обязанность – возить на лошади копны сена. Очень не любил жать и не полюбил никогда. Жал на коленях. Надо мной смеялись, дразнили, но я не мог пересилить себя и работать, согнувшись в три погибели. Особенно возненавидел жнитво, когда чуть не напрочь отрезал серпом безымянный палец левой руки. Шрам остался на всю жизнь. Не любил ездить за снопами – часто падал с воза и больно ушибался. Из игр в это время больше всего любил лапту и бабки, зимой катанье с гор, коньки.

Учась в третьем классе, я уже читал стихотворения на елке. По всем предметам по-прежнему шел первым учеником, но закон божий мне вдруг надоел и даже вера в бога как-то поколебалась. Произошло это, очевидно, вот почему. Прислуживая попу и дьякону за алтарем, я часто видел, как они там пили вино, курили, сквернословили. В результате церковь перестала быть для меня чем-то возвышенным и таинственным, отношение к вере как-то упростилось. По закону божьему я продолжал успевать неплохо, пока не произошел

такой случай.

Как-то зимой на большой перемене мы играли на школьном дворе – кувыркались в снегу, бегали, кидались снегом и после звонка бросились всей гурьбой в школу. В двери получился затор, и один из учеников, Наумов, нечаянно ударил головой в живот учительницу Елизавету Сергеевну. Та рассердилась и заявила, что исключает Наумова из школы. В те времена учительница была полной хозяйкой в школе – могла миловать учеников, могла их наказывать вплоть до исключения. Но решение Елизаветы Сергеевны было явно несправедливо – Наумов ударил ее без умысла, нечаянно. В общем, мы запротестовали, бросили занятия и втроем отправились жаловаться к помещику, который был школьным опекуном. Толстой знал меня по пению в церковном хоре, и потому наш протест излагал ему я. Вдоволь насмеявшись по поводу школьного происшествия, он написал учительнице записку, которую мы ей и вручили. Прочитав ее, она покраснела и сказала Наумову: «Ладно, садись за парту». Таким образом, мы победили по всем правилам забастовочного искусства.

Но учительница нам это припомнила. Вскоре она весь наш класс оставила без обеда за невыученный урок по закону божьему, хотя виноваты в этом были не все. Я, видимо, под влиянием отца, с детства не терпел фальши и вранья и, когда учительница ушла, в знак протеста предложил товарищам спеть. Сначала мы пели молитвы, потом деревенские

песни, а после начали шуметь и стучать, устроив нечто вроде обструкции. На шум учительница вернулась и, начиная с меня, отодрала всех сидевших на первой парте за уши, а меня сверх того поставила на колени на верхние ребра парты, справедливо посчитав зачинщиком. С этого момента Елизавета Сергеевна меня возненавидела, как, впрочем, и я ее. Учиться стал хуже, закон божий совсем забросил, и каждый его урок кончался тем, что поп ставил меня на колени и оставлял без обеда. Вызывал даже отца, чтобы воздействовать на меня. Вскоре ушел я и из церковного хора, перестал ходить к обедне, возненавидел поповщину и со временем превратился в убежденного атеиста. В годы советской власти, как ответственный работник советского аппарата, я с особой энергией и настойчивостью закрывал церкви, не считаясь с угрозами в свой адрес со стороны попов и кулаков.

На школьном экзамене следующей весной я назло учительнице ответил отлично на все вопросы, даже попа! Толстой, который был в комиссии, предложил выдать мне похвальный лист. Но против этого очень энергично запротестовали учительница и поп. Они говорили, что за мое поведение в последнее время меня и до экзамена нельзя было допускать. В общем, листа мне так и не дали, хотя аттестат об окончании школы я все-таки получил.

На этом, пожалуй, мое детство и кончилось. Сейчас, около 60 лет спустя, с грустью вспоминаешь свое деревенское детство. Лес, пруд, луга, ночное, рыбалка, ловля раков, охо-

та на птичек, сусликов, зайчат, соловьиное пение – словом, свободное общение с природой не забывается! В городе и половины этого нет, не говоря уже о домовом, лешем, русалках, банных чертях. Так все в городе ясно, объяснимо и... скучно до одури.

По мысли отца и настояниям тетки Марфы, после окончания школы меня должны были отдать в городское 4-классное училище Уфы. Но смерть отца перечеркнула все планы. На лето 1901 года я попал к купцу, который ездил по базарам с кожевенным товаром. Был я у него и кучером, и конюхом, и продавцом, и поваром. Бывало, приезжаем в какое-нибудь село вечером накануне базара. Пою лошадь, задаю ей корм, потом сами пьем чай. Спим на возу с товаром. Утром чуть свет я, убрав лошадь, покупаю хлеба, мяса и готовлю обед. После иду на базар помогать своему хозяину торговать. После обеда едем в следующее село. И так все лето. Даже купался редко – бывало, пойду поить коня и наскоро искупаюсь.

Осенью меня отвезли в Уфу и отдали в кондитерскую Прокофьева в качестве мальчика-посыльного и продавца. Магазин стоял на центральной улице и был открыт каждый день с 5 утра до 11 часов ночи, не исключая и воскресений. Так работать было, конечно, очень тяжело. Бывало, уснешь как убитый ближе к полуночи, а уже около 5-ти утра надо вставать. В магазине нас, мальчиков, было двое. Кроме работы в магазине, мы в ящиках на голове разносили булки, печенье, торты по всему городу – в мужскую и женскую гим-

назии, в реальное училище, отдельным покупателям. Делалось это утром, до завтрака. Позавтракав (наш завтрак всегда состоял из жареной картошки с белым хлебом и чая), мы помогали по магазину, с 8 до 11 утра обычно полному покупателям. Так, в беготне по городу и в хлопотах по магазину проходило время до полудня, когда был обед. Обедали мы мясными щами и жареной картошкой или кашей. После обеда клеили пакеты для упаковки товара и относили их в пекарню, где была огромная печь. Разложив на ней пакеты для просушки, иногда дремали, а порой и засыпали. Один раз я так крепко уснул, что руку сжег до пузырей. С 5 до 11 вечера снова был наплыв покупателей. В это время обычно покупали уже не хлеб, а печенье, пирожные, торты, конфеты, которые мы разносили по домам. Получали чаевые по 5-20 копеек и тут же сдавали деньги хозяину, который их записывал на наш счет. Таков был порядок – мальчикам денег в карманах держать не полагалось. Набегавшись за день и придя домой, мы буквально валялись с ног и ужинали уже полусонными.

Платили мне в первый месяц рубль, во второй – два и в третий – три рубля на «готовых харчах». Скоро, правда, я из магазина ушел. Произошло это так. Наклеив пакетов, я отнес их в пекарню сушить. Пекаря в это время отдыхали и играли на гармонии. Я их слушать не стал и пошел помогать в магазин, где в тот момент было много покупателей. Столкнулся в коридоре с женой хозяина, которая, увидев меня идущим из пекарни, откуда раздавалась музыка, и решив, что я ходил

слушать гармошку («шалаберничать с мастерами», как она выразилась), в сердцах стукнула меня по затылку. Вечером, когда пришел хозяин, я ему заявил, что уйду. Он удивился и спросил о причине, я рассказал. Вместе со старшим приказчиком он стал уговаривать меня «не дурить», потому что где, в каком магазине или в мастерской не шлепают учеников за дело и без дела. Надо сказать, что работал я хорошо и меня любили и хозяева, и покупатели. Но я настоял на своем, забрал свою подушку и кошму, на которой спал (одеяла у меня не было), и ушел к тетке Марфе.

Ее мое появление встревожило. Я рассказал ей, как и почему ушел из магазина и заревел. Она меня обняла и тоже заплакала. Так мы с ней обнявшись долго плакали. Дело в том, что тетка Марфа очень любила моего отца. Внешностью и характером они были похожи. Бывало, гостя у нас в Языкове, она почти все время проводила с братом – моим отцом. Тетка Марфа была красива – большие серые глаза, прямой с горбинкой нос, правильный овал лица и губ, волнистые, темно-русые волосы и при этом небольшая, тонкая и стройная фигура. Характер у нее был мягкий, голос слегка глуховатый, но ласковый, с каким-то протяжным выговором. Она не терпела сквернословия и по своим манерам походила не столько на крестьянку, сколько на бедную интеллигентную женщину. Всегда приветливая, чуткая, я безумно любил ее.

С моим отцом у нее была еще одна общая черта – оба любили выпить. Пили, правда, редко, по праздникам, но уж до-

пьяна обязательно. Она, бывало, сидя рядом с отцом, приговаривала: «давай браток, выпьем, зальем свое горе», или: «учили нас, да недоучили, так давай хоть выпьем». Она позднее и мне говорила: «учись, Ванюша, но учись как следует, не так, как мы учились». Что она этим хотела сказать, я так и не узнал. Уже после ее смерти мать мне рассказывала, что она, Марфа, «была точная копия своей матери, только ростом ниже, но Марья не пила спиртного, а Марфа не пила ничего спиртного, кроме водки». Вот к ней-то, к этой своей любимой тетке, я и явился. Она написала домой письмо, чтобы за мной приехали. Жил я у тетки две недели, иногда помогал ее мужу, ломовому извозчику, возить дрова. Их сын Алексей, ученик городского училища, обучал меня дробям, русскому языку Грустно было от них уезжать.

По приезде домой началась для меня новая, уже взрослая жизнь. После города наш деревенский дом мне не понравился – душно, грязно, тесно. Как всегда в холода, в избе вместе с семьей из восьми душ зимовали свинья с поросятами, овца с ягнятами, теленок, куры. Здесь же доили корову. Всю следующую весну и лето я вместе с братьями работал по хозяйству – боронил, возил навоз, косил, жал, пахал и т. д. Самым приятным занятием по-прежнему была рыбалка, а из работ— сенокос. Мы с младшим братишкой всерьез занялись рыбной ловлей и все лето как гагар кормили рыбой домочадцев.

Деревенские заботы, игры, рыбалка и прочие дела быст-

ро выветрили из меня городские впечатления. К тому же я был очень привязан к своей семье. Хотя работали мы в это лето, второе без отца, как будто хорошо, но все же хозяйство стало хиреть. В доме всем заправляла мать, снохе это не нравилось, и в конце концов было решено ликвидировать хозяйство в Языкове и осенью переехать в село Давлеканово. Больше всех о нашем переезде жалели ребята, с которыми мы вместе пели вечерами у нашего дома: мой тенор нечем было заменить. Хозяйство в Языкове продали, как бывает в таких случаях, дешево, а дом в Давлеканове купили дорого. Переехали мы в него зимой 1902 году, примерно в декабре. Печи топили там кизяком, нам непривычным, и все мы поначалу чувствовали себя на новом месте неуютно, тем более, что в Языкове осталась родня, много друзей и хороших знакомых. Вскоре старший брат заболел водянкой и уехал лечиться в Уфу. Мать поступила посудомойкой в чайную, и вот мы, бывало, вшестером – бабушка, сноха с двумя маленькими девочками и мы с младшим братишкой сядем вечером вокруг пятилинейной лампы и давай плакать от тоски и беспомощности. Бабушка при этом всегда говорила: «Эх, кабы жив был Петруха (наш отец), никогда бы этого не было». Его мы все очень любили и жалели, а умер он рано, 42-х лет, от желтухи. Хворал долго, года два, лежал в деревенской больнице, но спасти его не смогли.

Давлеканово село большое, расположено на берегах реки Дёмы, была в нем и станция железной дороги. Начали мы к

новому месту привыкать. Со снохой поступили на станцию, а брат, выздоровев, стал работать на лошади, которую мы вместе с коровой привезли из Языкова. Мать, как я уже говорил, работала в чайной. В общем, материально мы зажили лучше, чем в Языкове. Как истые рыболовы, скоро обнаружили, что в Дёме хорошо ловится зимой, стали днями напролет пропадать на реке и приносить очень много рыбы. Червей копали у себя в подполье. Однажды мы рыбачили в сильный мороз. Рыба, снятая с крючка, быстро замерзала. Дома мы сложили ее в таз, наполненный водой со снегом. Смотрим, вся наша рыба поплыла. Мы были так поражены! Мертвая рыба и вдруг ожила! Потом эту ловлю в мороз повторяли не раз, и всегда у нас рыба оживала. Явление очень интересное. Когда выйду в отставку и начну снова рыбачить, такой метод обязательно применю. Очень уж он необычен по своему результату!

В 1903 году мы работали по найму в поле у кулаков. Весной сажали подсолнух и арбузы, летом пололи их, а осенью убирали. Получали мы со снохой по 20 копеек в день на своих харчах. Все свободное время, как и в Языкове, я проводил на рыбной ловле, купался.

Река Дёма, надо сказать, замечательна не только изобилием рыбы, но и удобством купания. Не широкая, средней глубины и не судоходная, быстрая, она очень чиста и имеет песчаное дно. Ее берега кое-где поросли кустарником, а дальше – луга, на которых паслись стада коров, овец, коз и ло-

шадей давлекановцев. На этих лугах мы объедались вкусным диким луком. Кобылицы-кумысницы кормились в изобилии росшим там ковылем. И, конечно, в лугах водилась масса певчих птиц. После утренней рыбалки, когда переставало клевать, мы относили наловленную рыбу домой, а сами шли купаться – на весь день, до вечернего клева. Раздевались на песчаной отмели, шли вверх по реке километра полтора, выплывали на середину, и нас несло вниз по течению до нашей немудрящей одежки. Доплыв, выходили из воды и катались в горячем песке, а то и вовсе зарывались в него. Согревшись, снова шли вверх по течению и снова плыли. И так целый день. А надоест – отправлялись в степь «выливать» сусликов, которых там, как и в Языкове, было множество. Зимой кроме той же рыбной ловли играли в бабки на льду, бегали на коньках, катались на санках с горы или на карусели. Во время снежных заносов работали на железной дороге, очищая ее от снега. Взрослым за рабочий день платили 50 копеек, а нам, мальчишкам, – 25.

Обыклись мы в Давлеканове, оно нам даже стало нравиться. Правда, здесь я мучительно и долго болел – лихорадкой обметало губы. Коросты я срывал, и дело кончилось тем, что меня начали кормить с ложечки. Думал, останусь уродом на всю жизнь. Но выздоровел – видимо, солнце, вода и воздух деревни сделали свое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.